

Некролог [Викентий Михайлович Козловский]

† 15-го января, после тяжкой болезни, на семьдесят седьмом году, в Петербурге член комитета о раненых генерал от инфантерии Викентий Михайлович *Козловский*, один из известнейших кавказских ветеранов. Небогатый дворянин Могилёвской губернии, он в 1813 году поступил в Дворянский полк, для изучения порядка военной службы, как тогда говорилось, и через два года произведён в прапорщики в 16-й Егерский полк на Кавказе. С 1819 года он участвовал в деле с горцами при открытии прохода в Большую Чечню чрез ущелье Хан-Кале. Почти сорок лет после этого первого дела провёл Викентий Михайлович на Кавказе, составив себе громкую боевую известность, и оставил этот край в 1858 году накануне прекращения борьбы на восточном Кавказе. Утомление и расстройство здоровья от продолжительной боевой службы не позволили ему участвовать при окончательном покорении края. В 1826 году в отряде под личным начальством генерала Ермолова он выказал особенную храбрость при разбитии чеченцев и совершенном истреблении аула Урус-Мартан. В 1828 году капитан Козловский командирован в Петербург с лейб-гвардии Горским полуэскадром, который, в первый раз по сформировании, отправился на службу в столицу. С этим полуэскадром в 1831 году он поступил в Белостоке в конвой к цесаревичу Константину Павловичу, а впоследствии к великому князю Михаилу Павловичу. В течение кампании участвовал при взятии Варшавы и потом в преследовании корпуса Рыбинского до прусской границы. В 1834 году Викентий Михайлович уже был в Большой Чечне. В 1838 году назначен командующим войсками, расположенными в Абхазии, участвовал в десантном отряде на Сочи и в бывшем при этом жарком деле. Весь 1839 год и первую половину 1840 года командовал самостоятельным отрядом, имеющим назначение усмирить возмущение в Цебельде, возвести укрепление у Марамбы и, движением внутрь страны, водворить спокойствие силою оружия или переселением непокорных аулов, где это окажется нужным. Во время поголовного восстания 1840 года в Чечне, Козловский с берегов Чёрного моря был переброшен к Темир-Хан-Шуре, сборному пункту отряда, под начальством командира кавказского корпуса генерала от инфантерии Головина и участвовал в действиях отряда, сначала в Дагестане, затем в Малой Чечне. Мало-чеченцы, едва ли не самое храброе племя на всём Кавказе, непрерывно и сильно тревожили отряд, стараясь помешать работам нового укрепления. Хладнокровие в опасностях и распорядительность его были причиной назначения его, в чине подполковника, командующим Кабардинским полком. С боевою славой которого могли поравняться лишь немногие кавказские полки.

В течение почти тридцати лет, живя с кавказским солдатом одною жизнью, перенося вместе с ним труды и лишения, он на опыте узнал все блестящие качества этого богатыря: его безграничное терпение, высокое самоотвержение, почти всегда не подозревающее даже величия своих подвигов, глубочайшую преданность Царю, равняющуюся разве столь же глубокой привязанности к родине, и всё это при детском почти равнодушии к самым страшным опасностям; узнал он также, как легко начальнику, сколько-нибудь заботливому, приобрести до фанатизма доходящую привязанность солдата, — и всю душою привязался он к этому солдату. За то и солдат платил ему искреннею любовью и полнейшим доверием. Действительно, заботливость Козловского о солдате была самая полная, она казалась даже отчасти послаблением для тех, кто не знал всей строгости служебных его требований.

В 1842 году, под начальством генерала Граббе, он совершил ичкерийскую экспедицию, в которой бесстрашие и мужество кавказских войск не могло, однако, одолеть природы.

Экспедиция окончилась неудачно; урон наш был очень чувствителен, но кабардинцы, как и всегда, оказались безупречны и только увеличили славу своей храбрости.

В 1843 году он вылазкою из крепости Внезапной, с горстью кабардинцев и поражением огромного скопища, при четырёх орудиях, предводимого самим Шамилем, приобрёл громкую и заслуженную известность на всём Кавказе, а там подобная известность приобреталась нелегко. В конце года участвовал в поражении неприятеля на Миатлинских высотах и в освобождении укрепления Миатлы, атакованного неприятелем. В 1844 году он нанёс на берегах р. Акташа поражение огромному скопищу Шамиля, угрожавшему деревне Андреевой; в 1845 году он участвовал в знаменитой даргинской экспедиции. Действия Кабардинского полка в этой несчастной экспедиции были достойны удивления. Ни одного раза, ни при каких самых критических обстоятельствах кабардинцы не изменили самим себе. То же удивительное мужество, та же обычная стойкость характеризовали все их действия. Полковник Козловский тут вполне выказал и хладнокровное мужество, и боевую опытность, достойно оценённые главнокомандующим, по представлению которого произведён в генерал-майоры.

По сдаче в 1847 году полка полковнику князю Бяратинскому (ныне фельдмаршал), он назначен командиром 1-й бригады 21-й пехотной дивизии, и спустя недолго командиром 2-й бригады той же дивизии.

Около этого же времени в способе покорения Чечни произошла значительная перемена: принято за правило подвигаться внутрь страны, предварительно пролагая широкие просеки чрез обширные вековые леса, затруднительные движения по которым и неизбежные значительные потери в наших отрядах служили горцам надёжнейшею защитой. Неприятель хорошо оценил последствия подобных просек и решился не допускать нас производить их. Начался ряд тяжёлых экспедиций. В апреле 1850 года он взял штурмом устроенные неприятелем крепкие Шалинские окопы и имел жаркое и удачное дело с огромными неприятельскими скопищами. Деятельность его как начальника 19-й пехотной дивизии продолжается только до ноября 1853 года, когда генерал-лейтенант Козловский назначен командующим войсками на кавказской линии и в Черномории.

При открывшейся войне с Турциею вековая вражда горцев усилилась подстрекательством Турции и агентами Англии, старавшимися подвинуть Шамиля и Магомет-Амина к более решительным действиям; между тем часть старых опытных баталионов была заменена только что прибывшими резервными войсками. Тем не менее, неприятель на всём громадном протяжении линии не имел даже тени успеха. Назначенный в 1855 году новый главнокомандующий кавказскою армиею, генерал Муравьёв, отнёсся с полным доверием и уважением к распорядительности и боевой деятельности Викентия Михайловича. Это доверие блистательно оправдано в том же году. По настоятельным приказаниям Шамиля и подстрекательствам иностранных агентов, действовавший в горах западного Кавказа Магомет-Амин решился овладеть Карачаем — горною странюю у подошвы Эльбруса. Удастся этот план, и гибельные последствия его немедленно отразились бы на армии, действовавшей в Азиатской Турции, потому что, вероятно, тотчас последовало бы восстание Кабарды и племён, обитающих по ту сторону военно-грузинской дороги, результатом чего могло быть прекращение сообщений Закавказья с Россией и соединение доселе бессвязных действий горцев восточного и западного Кавказа. Между тем план легко мог удалиться: Карачай — страна в то время совершенно недоступная для движения отрядов с артиллериею, хотя и считался покорным почти 30 лет, но русские войска даже и при покорении страны не были внутри её, да и проникнуть в неё с севера казалось невозможным. Покорность этого края обуславливалась расположением к нам его жителей, считающихся лучшими стрелками на Кавказе, но жители изменили нам, и, войдя в сношения с Магомет-Амином, приглашали его завладеть их краем, обещая полное содействие всего населения. В августе, совершенно неожиданно для нас, двинулось десяти тысячное скопище Магомет-Амина в Карачай, угрожая в то же время и Кисловодску. Положение было крайне опасное: собирать значительные силы надо время, которым, конечно, воспользуется неприятель и займёт Карачай; под рукою же, то есть в местности, ближайшей к Карачаю, находилось всего три баталиона. Было над чем призадуматься. Но тут-то и выказались хладнокровие в опасные минуты: не мешкая и часу, Викентий Михайлович, случайно находившийся при упомянутых трёх баталионах, бросился с ними по следам партии, шёл трое суток, день и ночь, останавливаясь только на 3, на 4 часа, настигает неприятеля у входа в Карачай и, невзирая на численное его превосходство, на почти неприступную позицию, атаковал и разбил наголову так быстро, что Магомет-Амину остаётся только спастись бегством, а карачаевцам явиться в тот же вечер с повинною. Разрушив опасные замыслы врага, старый воин, пользуясь смущением карачаевцев, решился прекратить

навсегда повторение подобного хода дел проложением колёсной дороги в Карачай по таким трущобам, где и привычному горцу с трудом можно было проехать верхом. С обычной энергиею он приступил к делу и без всяких смет и издержек проложил в три недели такую дорогу, по которой к изумлённым карачаевцам, никогда не видавшим в своих аулах русских солдат, явились они с двумя орудиями.

Под громом батарей Севастополя и Карса поход карачаевский не произвёл особенного впечатления, но не забудется он ни в истории кавказской войны, ни современниками, а ещё более теми, которые видели седого генерала день и ночь на коне, всегда весёлого, всегда шуткою или оригинальною выходкою ободрявшего солдата, всегда в самых опасных местах, спокойно делающего свои распоряжения, в конце концов единственно своею отважною решимостью предупредившего потерю Карачая и все вытекающие от того последствия.

Почти весь 1856 год он провёл в занятии новой линии на Малой Лабе и постройке там укреплений, при обычных делах и перестрелках с неприятелем. Весь 1857 год прошёл в непрерывных делах с неприятелем; в начале 1858 года Викентий Михайлович снова действует за р. Белою, проявляя свойственную ему энергию. Но это были уже последние его военные подвиги. 43-х-летняя, трудная боевая жизнь не могла не отразиться даже на его привычной ко всяким лишениям, крепкой натуре; здоровье его расстроилось, силы были утомлены. Старый доблестный воин должен оставить Кавказ и боевую службу, которой честно посвятил все свои силы и способности. В марте он назначен членом генерал-аудиториата военного министерства.

Впоследствии Козловский был произведён в генерал от инфантерии (1866 г.), состоял членом комитета о раненых и числился в Кабардинском полку, которым некогда с такою славою командовал. Он умер, прослужив 58 лет, пользуясь вполне заслуженною громкою известностью на Кавказе. Он был истинно храбр и как почти все кавказские старые служаки до того свыкся с опасностями, что не обращал на них никакого внимания, оставаясь весёлым и совершенно спокойным среди самого жаркого дела, где смерть рыскала вокруг него. И замечательно, что он ни разу не был даже легко ранен. Как начальник он был требователен по службе, но замечательно справедлив, всегда готов сознаться в своей ошибке и помочь подчинённому словом и делом. Он сохранил юность сердца до глубокой старости и никогда не относился равнодушно к чужому горю. Вот тайна той искренней привязанности к нему тех, кто успевал узнать его короче. Любовь солдата к нему доходила до самоотвержения. Случалось, при недостатке продовольствия в экспедициях, запасливый кавказский солдат, сам уже голодающий суток по двое, узнав, что у Викентия Михайловича истощились запасы, тихонько ночью подкладывал у его палатки или шалаша остатки своего скудного запаса, и наутро нельзя было доискаться таинственного кормильца. Едва ли подобная привязанность не выше той, когда солдат в пылу битвы бросается на явную неизбежную опасность для спасения любимого командира. В последнем случае — самоотвержение, предписываемое исполнением долга, в первом — чисто личное самоотвержение, имеющее побуждение в любви к начальнику. Анекдоты о Козловском бесконечны и разнообразны. Можно ручаться, что и теперь нет ни одного офицера, прослужившего на Кавказе лет 15, который не знал бы какой-нибудь его оригинальной выходки или фразы.

Эта статья дословно повторяет статью из «Русского инвалида» с большими купюрами. Видно, что журналист переписал её для разнообразия, урезал и ничего своего добавить не смог. Редактор-издатель «Иллюстрированной газеты» был Владимир Зотов.

Мы уверены, что автором был редактор «Русского инвалида» А. И. Лаврентьев, однако в «Иллюстрированной газете» статья Лаврентьева так урезана, что её нельзя приписывать Лаврентьеву. — *Ред.*